

Тетрадь 13. Что дальше? Контуры сценариев долгосрочного прогноза

Разумеется, сегодня говорить о трендах и параметрах долгосрочного прогноза еще рано – и Специальная военная операция в самом разгаре, и «санкционный кризис» только нарастает.

Однако, как ни парадоксально, именно сейчас формирование долгосрочного видения (разумеется, именно видения основных тенденций, пропорций развития и т.д., а не об обреченном на неудачу угадывании конкретных «параметров развития») развития российской экономики и общества является особенно актуальным.

Базовые тренды развития мировой экономики

Наиболее важным процессом, происходящим сейчас и определяющим развитие и мировых, и российских процессов в течение ближайших десяти-пятнадцати лет, станет, вероятно, переустройство глобальных правил игры – в политике, экономике, социально-культурном пространстве. Это переустройство, к сожалению, будет происходить через череду политических, экономических и (локальных) военных конфликтов – поскольку у ведущих центров силы на сегодня не только нет готовых решений, но даже не удалось сформулировать соответствующую переговорную позицию.

Не вдаваясь в явно избыточные сейчас детали, которые в принципе не могут быть ни обоснованы, ни даже просто перечислены в ограниченном формате настоящей работы, все же необходимо отметить несколько важных моментов.

1. На самом простом уровне – речь идет о неизбежном, в мире неравномерной технологической конкуренции, противоречии между

«старыми» (воспользовавшимися плодами и катастрофического распада СССР, и последовавшего в 1990-2010е гг. глобального технологического скачка) – и новыми, «восходящими» лидерами экономики и политики. К числу таких лидеров относятся становящийся новым глобальным лидером уже не только в производственной, но и в сервисной и научно-технологической сферах Китай, Россия, восстановившаяся после серии системных кризисов 1980-2000х гг. и восстанавливающая свою позицию в Евразии; «на входе» в высшую лигу - Иран, Египет и Индия.

Таким образом, мы имеем классический процесс «смены гегемона» по И. Валлерстайну, который практически никогда в истории не обходился без серий экономических, мировоззренческих/религиозных и военных конфликтов. Тем более что за пределы сложившихся институтов в области политики и экономики вышли и США¹, и Евросоюз, с манипулированием «экологически допустимыми» видами энергоресурсов, и Китай, с оригинальной концепцией «улучшающего копирования» чужих технологических инноваций.

2. На более глубоком уровне речь идет о ставшем тотальным, «пропитавшим», в очень разной степени, конечно, все основные сферы воспроизводства мировой экономики, противоречии между национальным и глобальным.

Потребление (по крайней мере, городского населения) в значительной мере опирается на глобальные бренды и глобальные же торговые сети / интернет-платформы. Финансовый оборот – в очень значительной степени глобализован. Торговля и логистика – глобальны в заметно меньшей степени. А в производстве товаров и услуг – все очень по-разному. Часть секторов (ИКТ) – почти абсолютно глобальны, существенная часть других – работают на локальные рынки. А в секторе услуг – «на месте» производится и потребляется очень большой объем продукции «неторгуемых» секторов.

¹ Важный пример – с Quantitative Easing 2009-2010 гг., полностью обесмыслившим предшествующее приобретение американских активов Китаем и Россией, а о действиях во внешнеполитической сфере и говорить нечего

При этом указанное противоречие лишь нарастает. Мировое производство, скорее, «регионализируется», формируя пространства для возникновения новых «центров силы» в экономике и политике². С другой стороны, финансовая и институциональная системы остаются глобальными: проекты альтернативных валютных пространств не заработали, институты глобального рынка только начали втягиваться в кризис в ходе «коронавирусного шока» 2020-2021 гг.

3. Наконец, на самом глубоком уровне – начинается глобальное перераспределение факторов производства / факторов силы, цен, моделей поведения, что связано с накопившимися за последние годы изменениями в сфере технологий, их роли в производстве и потреблении и финансовых моделях. Возникшие новые типы капиталов³ – как минимум, «цифровой» и «экологический» (на подходе, еще, видимо, «социальный»), в принципе, не описываются обычными для промышленного капитала закономерностями формирования ценности и принципами оборота.

Этот процесс происходит исторически крайне редко (аналогично возникновению промышленного капитала в 17 веке и глобального финансового капитала в 20 веке) обязательно ведёт к возникновению новых лидирующих в обществе социальных групп, возникновению новых технико-экономических укладов⁴, «перезагрузке» системы глобальных институтов.

Никогда ранее такие изменения не обходились без масштабных структурных кризисов и/или череды войн – локальных и гражданских.

² Китайская инновационная система «полного цикла» и американская «реиндустриализация»; «центры силы» делают ставку на самообеспечение энергоносителями: примеры – сланцевая революция, революция возобновляемых - локальных! - источников энергии

³ Здесь и далее – по материалам выступления д.э.н. И.Э. Фролова на LXIII сессии Российско-французского семинара по денежно-финансовым проблемам современной российской экономики (июль 2022 г.)

⁴ Подробнее – в монографии "Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества" http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Articles/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B8_%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%B2_%D0%9C%D0%9D%D0%93%D0%A0.pdf

Основные сценарные тренды и развилки: мировая экономика

На уровне мировой экономики наиболее значимыми процессами, видимо, станут следующие.

1) Дальнейшее ухудшение демографической ситуации в большинстве сколько-нибудь развитых стран. При этом в отдельных странах (первым в этот период вступила Япония) начнется и станет набирать силу абсолютная депопуляция.

Некоторые следствия:

- усиление дефицита сбережений, исчерпания возможности балансировать дефицит сбережений в одних странах за счет перераспределения из других;
- отсюда – усиление роли прямой и косвенной (через механизмы, подобные Quantative Easing) эмиссии в каждом из крупных центров экономической силы;
- отсюда, в свою очередь – рост инфляционного потенциала основных экономик мира;
- одновременно, постарение населения и кризис баланса трудовых ресурсов приведут к достаточно интенсивному научно-технологическому развитию. При этом можно ожидать интенсивного развития нескольких групп технологий:
 - трудозамещающих технологий – включая глубокую цифровизацию производственных процессов ради кардинального повышения производительности труда,
 - технологий (здесь есть очевидное пересечение с предыдущим), упрощающих производство товаров и услуг и, соответственно, их перенос транснациональными корпорациями в новые, все ещё «трудоемкие» регионы (в том числе – в приоритетные и для нас, и для Китая Юго-Восточную Азию, Африку, Латинскую Америку, что лишь усилит противоречия будущего периода), включая такие технологии, как электронные помощники водителя, беспилотную доставку грузов, интеллектуальные производственные системы, интеллектуальные системы поддержки

постановки диагнозов и т.д. Вероятное следствие – дальнейшее снижение требований к квалификации работников и, вероятно, усиление кризиса массового образования;

- биомедицинских технологий, включая технологии продления активной здоровой жизни;
- экологических / природоподобных технологий.

2) Форсирование энергоперехода, плюс рост значимости экономической безопасности. Отсюда – стремление уменьшить зависимость от (глобальных) рынков углеводородов, и, одновременно, снизить экологическую нагрузку на природную среду (прежде всего, в наиболее технологически развитых странах.

Соответственно, экспорт углеводородов в перспективе расти, вероятно, не будет, цены на них – станут снижаться. В перспективе России предстоит развиваться и преодолевать кризис при сжимающемся притоке природной ренты (см. ниже).

3) Масштабная перестройка глобальной экономики означает вероятность структурного кризиса.

Этот фактор, плюс практически неизбежная трансформация системы глобальных институтов означает неизбежное повышение рисков конфликтов (экономических, социокультурных, военных и т.д.) между существующими и формирующимися центрами силы, центрами силы и глобальными сетями, и т.д.

Отсюда, очень высокий уровень внеэкономических рисков развития, соответственно – высокая значимость широко понимаемой безопасности (военной, энергетической, информационной, продовольственной и т.д.) для всех крупных мировых игроков.

Сценарии развития: мировая экономика

Полный набор мировых сценариев выглядит достаточно сложно (см. Таблицы 1, 2).

Помимо перечисленных выше факторов, необходимо отметить важное обстоятельство.

Особенностью перспективного периода для мировой экономики является выбор между двумя существенно разными сценариями будущего:

- «ИКТ-оптимизация» ближе к естественному ходу событий. Повышение производительности труда и обеспечение нового качества достигается за счет цифровизации. Сохраняется, в целом, интенсивное развитие в логике «цифрового капитализма»;
- «экологический пакет». В основе логики – обеспечение климатической и экологической стабильности. Резкое усиление регулирования и, соответственно, бюрократии и фискальной нагрузки.

Таблица 1. Особенности ИТ- и экологически-ориентированных сценариев глобального развития

	ИТ-оптимизация	Экологический пакет
Ядро «нового капитала»	«Цифровой капитал», в том числе на создаваемых рынках	«Экологический / социальный капитал». Капитал «ненаносимого ущерба» природе
Энергия / энергоэффективность	Оптимизация использования энергоресурсов, последовательное внедрение низкоуглеродных технологий	Максимально жесткое (в рамках сохранения социально-экономической стабильности) вытеснение углеводородной энергетики
Характер управления экономикой	Основная роль – бизнеса, в том числе транснационального	Высокая роль бюрократии, прежде всего – наднационального регулирования. Высокая фискальная нагрузка на бизнес
Экономическая динамика	Высокая, сохранение набранных темпов глобального роста 3-3.5% в год	Замедленная. Примат стабильности. Вероятность затяжного (2025-2040) структурного кризиса

Таблица 2. Система сценариев глобального развития⁵

Глобализация / деглобализация	глобализация				деглобализация			
	40				60			
стабилизация (15) / развитие (85)	глобальное торможение		новый импульс 2000x		"острова в океане" (структурно неустойчив!)		сообщество разных	
	6,0		34		9,0		51	
ИТ-оптимизация (55) / экологический пакет (45)	эко-стабильность	ИТ-застой	экологическая "сборка" мира	ИТ-глобализация 2.0	"конкуренция чистоты и жизненных стандартов"	"ИТ-аутизм"	конкуренция экологических индустрий	конкуренция индустрий 4++
	2,7	3,3	15	19	4,1	5,0	23	28

Развилки глобального развития:

- новая глобализация (порядка 40% вероятности) / деглобализация (60%);
- ставка глобальных игроков на стабилизацию мировой экономики, «институционализацию ограничений роста» (15% вероятности) / на ускоренное развитие экономики и технологий (85%);
- основа новой экономики – сквозные экологические, новые энергетические и низкоуглеродные технологии (сквозные ИТ развиваются «в меру возможного» с учетом энергоёмкости) / сквозные ИТ-технологии (экологические эффекты достигаются во многом за счет оптимизации производства и потребления в экономике; жестко обеспечивается достаточность энергии для развития ИТ, даже для наиболее энергоёмких направлений).

Тогда наиболее вероятными сценариями являются:

- «конкуренция индустрий 4++»: регионализация мировой экономики, ускоренное развитие, в ядре экономики – ИТ технологии и сопряженные с ними производственные технологии (28%);
- «конкуренция эко-индустрий»: регионализация, развитие, эко- и новые энерго-технологии в производстве и потреблении (23%);
- «ИТ-глобализация»: ре-глобализация, ускоренное развитие, ИТ-технологии и биомед (19%);

⁵ По материалам выступления Д. Белоусова на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе СПЭК-2022 31 марта 2022 г. "О неочевидных факторах неопределённости развития в долгосрочном периоде и способах адаптации к новым вызовам" 31 марта 2022 г. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2022-03-23SPEQ.pdf

- «эко-сборка мировой экономики»: ре-глобализация, ускоренное развитие мировой экономики и технологий, в ядре – эко-технологии и биомед (15%)

На уровне построения прогнозов, целесообразно упростить систему сценариев всего до двух (см. таблицу 3):

1) Базовый (75-80% вероятности реализации) с приоритетным развитием ИКТ и сохранением примерно нынешнего характера развития мировой экономики:

- поступательный рост мировой экономики (умеренное по масштабам торможение в 2022-2024 гг., сменяется довольно интенсивным ростом, возвращающим мировой экономический рост на давнюю докризисную траекторию, 3.2-3.5% в год);
- умеренное вытеснение углеводородов из баланса. Снижение цен на нефть на 17-21% с сегодняшнего уровня к 2028-2030 гг.

2) Кризисный (20-25% вероятности реализации), связанный с ускоренным энергопереходом и соответствующим длительным структурным кризисом. Соответственно, ожидаются:

- умеренные, не превышающие 3% в год (причем с легкой тенденцией к снижению), темпы роста мировой экономики, отражающие сложность адаптации ведущих экономик мира к запущенной в данном сценарии структурой перестройке;
- последовательное снижение цен на нефть на 25-35% к концу периода.

Таблица 3. Некоторые параметры долгосрочного развития

	2022-2024	2025-2027	2028-2030
Динамика мировой экономики, темпы прироста в %			
кризисный	2,7 - 3,0		2,5 - 3,0
базовый	3,0 - 3,3	3,2 - 3,5	
Цена на нефть марки Urals, долл. за баррель			
кризисный	70 - 74	60 - 63	50 - 54
базовый	75 - 78	67 - 70	61 - 65

Россия: основные тренды (несколько тезисов)

1) Безусловным инвариантом для всех разумных сценариев развития является сохранение (по крайней мере, на перспективе 10-15 лет санкционного давления).

Необходимо отметить два принципиальных обстоятельства:

- долгосрочность санкционного режима. Санкции вводятся надолго (даже технически их отмена, особенно в ЕС – сложный и длительный политико-бюрократический процесс). Поэтому «переждать» их, как пережидали локдауны из-за вспышек ковида, не получится;
- однако санкционный режим всегда подвергается постепенной эрозии. Уже через три-четыре года после введения санкций из него возникают (собственно, это и происходит на наших глазах) формальные или фактические изъятия. «Санкции – это маржа» (С.А. Караганов; см. также [Тетрадь 1](#)).

2) Существенным фактором (в разных контекстах, одновременно, и ресурсом, и ограничителем развития) в перспективный период становится избыточная занятость в ряде секторов экономики. Адаптация к новым макроэкономическим условиям будет, так или иначе, проходить через давление на рынок труда.

Реализуется ли это давление в высвобождение занятых, в попытку искусственно поддержать занятость через давление на бизнес или станет ресурсом развития, благодаря выстроенной системе переобучения высвобождаемых в одних отраслях для использования в других – зависит от конкретного сценария развития.

3) Опять-таки, одновременно, и очевидным ограничением, и, в каком-то смысле, ресурсом развития в перспективный период становится сжатие экспорта ряда традиционных для России видов сырья (из-за сочетания последствий санкций с трендом на общее снижение потребления энергоносителей). Одновременно, как уже говорилось, можно ожидать обретения устойчивости тенденцией снижения мировых цен на

энергоносители (тем более, что «ценовой дисконт» на российскую продукцию, по всей видимости, сохранится и в среднесрочной перспективе; см. рисунок 1).

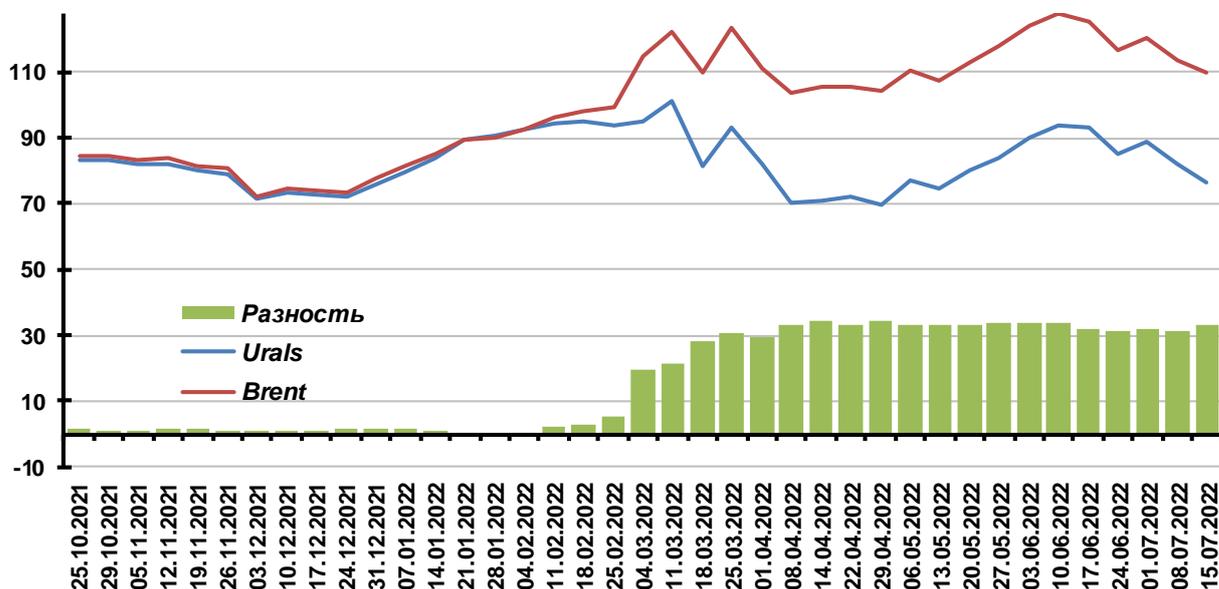

Рисунок 1. Динамика мировых цен на нефть и «ценового дисконта» на российскую нефть

В ходе кризиса сформировалась необычно высокий разрыв, интерпретируемый как «ценовой дисконт на экспорт из России», между ценами на нефть марки Brent и российской смесью Urals. В настоящее время (уже с конца марта) он составляет порядка 30-35 долл. за баррель, и вероятно, сохранится в обозримой перспективе.

С одной стороны, это означает довольно быстрый переход от привычного для России значительного внешнеторгового профицита к дефициту торгового баланса, в более широком плане – к исчерпанию возможностей развития на базе привлекаемой в страну природной ренты.

Важным – и на сегодняшний день сложным к оценке – является почти инвариантное снижение, более чем на 15 проц. п., уровня внешнеторговой открытости России (см. рисунок 2). Оценить весь объем структурных и поведенческих изменений, стоящих за таким сдвигом, пока трудно. Но, во

всяком случае, понятно, что сырьевая рента, благоприятные условия торговли и выгодный курс рубля источниками роста быть перестают: Россия движется в сторону экономик, опирающихся на внутренний рынок.

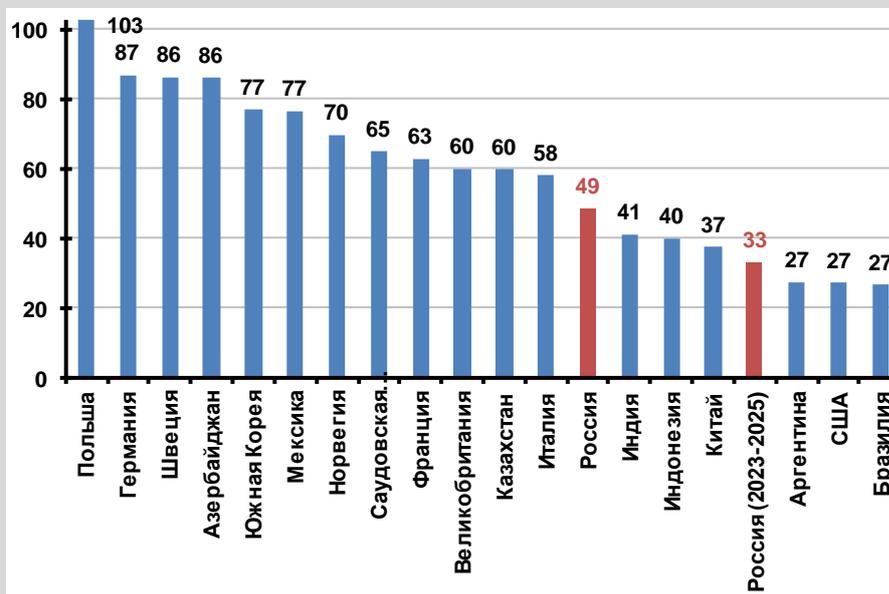

Рисунок 2. Индекс внешнеторговой открытости России (%)⁶

С другой стороны, высвобождение значительных ранее экспортировавшихся энергоресурсов позволяет – через ввод дополнительных мощностей, конечно, (что предполагает соответствующие инвестиции) – обеспечить внутренний рынок существенным ассортиментом продукции нефте- и газохимии, ныне импортируемой, включая упаковку, теплоизоляцию, ряд видов лакокрасочной продукции и т.д. Одновременно, появляется дополнительная возможность завершить, наконец, анонсированные ранее программы по полной газификации регионов России.

1) Кризис торгового баланса – без принятия дополнительных системных мер – будет, вероятно, усиливаться из-за действия структурного фактора. Санкционное сужение доступа российских компаний к ресурсам для производства качественной / технически сложной продукции будет сопровождаться вынужденным высвобождением ими соответствующих ниш

⁶ Индекс представляет собой полусумму экспорта и импорта, отнесенных к ВВП.

на российских рынках, которые, в свою очередь, станут заполняться за счёт ввоза готовой продукции⁷.

2) Особенность нынешней ситуации – отсутствие достаточного «запаса прочности» в социальном отношении.

На самом простом уровне это проявляется в том, что социальная стабилизация произошла на очень низком уровне благосостояния. Благодаря предпринятым мерам социальной поддержки численность самых бедных / нищих удалось стабилизировать, не допустив скачка абсолютной бедности⁸ ни в условиях первой «войны санкций» (2014-2016 гг.), ни в условиях эпидемии ковид (2020-2021 гг.).

Но, во-первых, сама эта стабилизация произошла на фоне довольно высокого масштаба самой бедности, а во-вторых – на фоне многочисленности лиц, находящихся в «пороговой ситуации», когда относительно небольшое снижение доходов может вытолкнуть большие группы населения в бедность.

Отсюда – любая разумная антикризисная политика, как и политика развития, должны будут опираться на обеспечение благосостояния (за счёт ли попытки «заморозить» ситуацию, за счёт ли активной политики перераспределения работников между закрываемыми и развиваемыми отраслями – вопрос важнейший, но отдельный).

На более сложном уровне – проблема в нарастающей актуализации социокультурного фактора: на рубеже 2020-2030 гг. из активной социальной жизни (в том числе – в элите) станет выходить последнее поколение, сформировавшееся в СССР. К этому периоду практически все социально активное население – и опять-таки, элиты – станут уже окончательно постсоветскими. Это потребует соответствующего изменения коммуникации

⁷ Заметим, что такая политика – следование в русле санкций (на ввоз ряда видов электронного оборудования, микросхем, отдельных видов химической и машиностроительной продукции) из стран-инициаторов, при одновременном наращивании экспорта в Россию гражданской машиностроительной продукции и т.д. – довольно естественная политика для целого ряда стран-партнёров России.

⁸ Характеризуется масштабами недопотреблением важнейших для выживания товаров бедным населением. Относительная бедность, в свою очередь, характеризуется величиной разрыва потребления / стиля и образа жизни бедного населения по отношению к обеспеченному населению

и между элитами и обществом, и между отдельными группами внутри самого общества – привычные, восходящие к моделям 1980х годов, отношения будут, в новых условиях, работать все хуже.

3) Сценарным инвариантом является максимально возможная в конкретном сценарии развития инвестиционная активность. Инвестиции станут ключевым фактором в перспективе – и в плане адаптации экономики к ограничению предложения импортных ресурсов за счёт отечественного производства, и в плане развития инфраструктуры, и в плане обеспечения потенциала для расширения потребительского спроса.

Именно обновление производственного аппарата даст возможность поступательно повышать производительность труда, что, в свою очередь, позволит ускорено наращивать заработную плату без опасения за финансы предприятий и/или инфляционные последствия.

Даже обеспечение долгосрочной стабилизации в новых условиях уже требует формирования новых импортозамещающих (и «импортодополняющих» по отношению к ввозу продукции с новых направлений) производств и формирования соответствующих инфраструктур.

Необходимо также отметить два важных обстоятельства:

- через 5-10 лет возможно возникновение кризиса, связанного с постепенным выходом из строя ранее поставленного из недружественных стран производственного оборудования, что, в любом случае, требует замещающих инвестиций;
- дополнительные возможности для финансирования инвестиций создают введённые фактические ограничения на вывоз капитала (включая вывод через дивиденд). Вопрос сейчас – в выстраивании соответствующих финансовых механизмов для межсекторального перетока капитала.

О сценарных условиях развития российской экономики

Основными «осями неопределенности», формирующими сценарии развития на прогнозный период, являются:

- неопределенность, связанная с характеристикой условий развития мировой экономики (рассмотрена выше);
- неопределенность, связанная с особенностями социально-экономической политики в перспективный период.

Здесь возможны (для каждого из «внешних» сценариев) три принципиальных варианта:

1. Автаркия. «Россия (в максимально возможной степени) делает сама», пусть и за счет снижения технологического уровня выпускаемой продукции, падения потребительских и эксплуатационных характеристик выпускаемой продукции, снижения уровня жизни населения.

В фактически сложившихся условиях реализация такого варианта чрезвычайно маловероятна. Однако он (на уровне перехода практически к «военной экономике») может оказаться едва ли не единственно возможным в случае дальнейшей резкой эскалации конфликта России со странами – геополитическими противниками. Вне такой эскалации его реализация чрезвычайно маловероятна, суммарная вероятность – 10-15% – достаточно велика, чтобы принимать во внимание саму его возможность, но недостаточна для подробного анализа.

2. Институциональная инерция. Попытка «Policy as usual» в новой, крайне нестабильной обстановке, примат широко понимаемой «стабильности» над «развитием» (тем более, что развитие само по себе уменьшает стабильность).

Признаётся, что уровень нестабильности экономической и внешнеполитической ситуации настолько высок, что реализовать сколько-нибудь целостную «политику развития» почти невозможно – ситуация будет изменяться быстрее, чем может быть получен сколько-нибудь разумный результат (если его вообще удастся получить в условиях быстрого,

кризисного изменения ситуации). Поэтому все, что можно сделать в данной ситуации – поддерживать макроэкономическую и финансовую (торговый баланс, курс, инфляция) стабильность, обеспечивать устойчивое финансирование бюджетных обязательств, реализовывать наиболее очевидные и ограниченные по срокам инвестиционные проекты. В общем, более-менее хорошо знакомая по последним 15 годам экономическая политика – разве что несколько более жесткая из-за дефицита ренты.

На более простом уровне – результатом ее, в качественно новых условиях может стать затяжная стагнация, с экономической динамикой порядка 1.5% в год, с постепенно нарастающим, в итоге, отставанием в сферах технологий, уровне и качестве жизни, национальной безопасности.

На более сложном уровне – весьма вероятно последовательная реализация всех «скрытых угроз» и структурных диспропорций, как сформировавшихся за последние несколько лет, так и непосредственно в ходе кризисного развития (см. ниже).

Необходимо отметить, что вероятность реализации данного сценария весьма высока (не менее 45%). С учетом неопределенности в сценариях глобального развития, этот сценарий распадается на два:

- «ситуационной адаптации» (более 35% вероятности), сочетание сценария «инерции» в российской экономике и базового (с поступательным развитием) на уровне мировой экономики;
- «кризисный» (порядка 10% вероятности, в этой работе не описывается), сочетание «инерционного» российского сценария со сценарием структурного кризиса в мировой экономике.

3. «Борьба за рост», около 40% вероятности. В рамках данной работы рассчитываются параметры для варианта «активной трансформации», предусматривающего реализацию внутренней экономической политики в условиях «базового», предполагающего интенсивное развитие, сценария мировой экономики (более 30% вероятности реализации).

В рамках данного сценария предполагается применение усилий, направленных на модернизацию российской экономики в новых условиях.

Соответственно, обеспечение финансовой стабилизации является в данном сценарии не самоцелью, а одним из рамочных условий, социальная стабилизация достигается, в значительной степени, благодаря (управляемому с точки зрения структурных рисков) экономическому росту.

Таблица 4. Система сценариев долгосрочного развития и вероятности их реализации (%)

	<i>вероятность</i>	Россия: автаркия	Россия: инерция	Россия: борьба за рост
<i>вероятность</i>		13	47	40
Мир: поступательное развитие, ставка на ИКТ	78	10	37	31
Мир: структурный кризис, "экологическая революция"	22	2,9	10	8,7

Параметры сценариев

«Ситуационная адаптация»

В рамках данного сценария предполагается проведение крайне осторожной макроэкономической политики. Соответственно, ресурса для ускорения инвестиционного процесса в данном сценарии просто нет.

После спада в 2022-2023 гг. в последующий период динамика инвестиций не превысит 1.5-2.0% в год в 2025-2027 и 2.0-2.5% в 2028-2030 гг.

Это, в свою очередь, не позволяет сколько-нибудь активно повышать заработную плату ни в коммерческом секторе (с учётом замедленного роста производительности труда), ни в бюджетном, с учётом постоянной напряженности в сфере государственных финансов.

В итоге, после двухлетнего спада в 2022-2023 гг., в 2025-2027 гг. потребление населения увеличивается с тем же, что и инвестиции, темпом - всего 1.5-2.0% в год в 2025-2027 гг. и 2.0-2.5% в 2028-2030 гг.

При этом, из-за дефицита конкурентоспособности отечественной продукции ожидается ускоренное «возвращение импорта» конечной

продукции на российские рынки. Соответственно, ВВП в рамках данного сценария в 2025-2027 гг. растёт примерно на 1.5% в год, а в 2028-2030 гг. – на 1.5-2.0% в год.

При этом, уровень безработицы, несмотря на «стабилизационный» характер сценария, довольно высок – порядка 5.5-6.0% в течение всего периода.

В целом, можно констатировать, что в данном сценарии:

- в силу недостаточной конкурентоспособности российской экономики валюта (и качественные ресурсы, поставляемые по «целевому импорту») в данном сценарии становится ключевым, ценным «редким ресурсом». Соответственно, высока вероятность усиления «диссоциации» российской экономики на самостоятельно воспроизводящиеся сектора «зарабатывающие» валюту; приоритетные сектора, получающие валюту и/или импортное оборудование и сырьё в рамках целевого импорта – и «прочую экономику», воспроизводящуюся в отсечении от внешних рынков и ресурсов, а также находящийся в состоянии «стабильной стагнации» бюджетный сектор;
- будет усиливаться «серый» сектор экономики, привлекающий в нее импорт по неформальным каналам, а значит и соответствующие социальные группы (примерно, по модели середины-конца 1980-х годов). Стремление к институционализации обретенного статуса способно породить социальный конфликт между «традиционными» и «новыми» (с высокой вероятностью – антисистемными) социальными элитами;
- усилится этот сценарий, с риском масштабирования до системного, станет сочетание стагнации уровня жизни населения с отсутствием значимого прогресса в развитии инфраструктуры и городских сред (результат низкой инвестиционной активности). Соответственно, социальная напряженность получит «территориальное измерение», что, с учетом специфики нашей страны⁹, несет значимые риски.

⁹ И, разумеется, ожидаемых действий враждебных к России стран

Так что диалектика действительно работает – стремление «все стабилизировать» в новых условиях приведет скорее к дестабилизации. «Новый застой», как сколько-нибудь позитивный вариант, попросту невозможен.

Сценарий «активной трансформации»

В основе логики данного сценария – максимально активная экономическая политика, обеспечивающая, в новых условиях, масштабы экономического роста, достаточные для решения основных задач социального развития, воспроизводства капитала и решения задач широко понимаемой национальной безопасности.

Ее основные принципы:

- Проактивность. Справиться с ситуацией можно только при условии активных совместных действий и государства, и общества, и бизнеса;
- обязательное расширение роли государства должно балансироваться максимальной активностью бизнеса, что воспрепятствует «окостеневанию» политики и опасному застою в экономике и обществе;
- отсутствие притока технологий компенсируется заимствованием (или «улучшающим заимствованием», т.н. «шенчдженем»), потом – активным захватом позиций на всех рынках, где есть хоть какой-то потенциал экспансии;
- сужение возможностей выхода на одни рынки компенсируются максимально активным выходом на другие (в том числе в целях воспрепятствования становлению монополии «главного партнера» России страны со стороны одной из крупных стран).

Даже применительно к экспорту нефти и газа, реализация данного сценария, с активным продвижением российских ресурсов на внешние рынки, означает довольно заметную прибавку: порядка 5-10 млн. т нефти и нефтепродуктов и 5 млрд. м³ газа в год по сравнению со сценарием «ситуационной адаптации».

Таблица 5. Параметры экспорта энергоносителей (по вариантам сценариев, в среднем за год)

	2022-2024	2025-2027	2028-2030
Экспорт нефти и нефтепродуктов, млн. т.			
кризисный	320 - 325	307 - 310	295 - 299
ситуационная адаптация	335 - 338	325 - 329	317 - 320
активная трансформация	340 - 343	332 - 335	326 - 330
Экспорт газа, млрд. куб. м.			
кризисный	170 - 174	165 - 170	159 - 163
ситуационная адаптация	177 - 180	173 - 175	168 - 170
активная трансформация	178 - 181	177 - 180	171 - 175

В рамках данного сценария (который в сложившихся условиях может быть назван «целевым») можно ожидать следующих – похоже, близких к предельно возможным – параметров развития (см. таблицу 6).

После прохождения острого кризисного периода, инвестиции в основной капитал, поддерживаемые активной государственной политикой, растут с темпом порядка 3.5% в год или выше (примерно на уровне 3.2-3.7% в год). Это создаёт соразмерные возможности для повышения производительности труда.

Соответственно, возникает возможность довольно быстрого повышения доходов, а значит – и потребления населения (2.5-3.0% в среднем за год в 2025-2027 гг. и 3.0-3.5% в 2028-2030 гг.).

В итоге, темп экономического роста сможет достигнуть на прогнозном периоде 2.5-2.7%, что почти соответствует предкризисным проектировкам (3.0%).

При этом наблюдается интенсивный рост спроса на рабочую силу: несмотря на повышение производительности труда, уровень безработицы в данном сценарии в 2025-2030 гг. удерживается практически на «естественном» для российской экономики уровне, 4.5-5.0%.

Таблица 6. Некоторые параметры прогноза социально экономического развития (темпы прироста, %, в среднем за год, по вариантам сценариев)

	2022-2024	2025-2027	2028-2030
Валовой внутренний продукт			
ситуационная адаптация	-2,2 - -2,5	1,3 - 1,6	1,5 - 1,9
активная трансформация	-1,3 - -1,6	2,2 - 2,6	2,3 - 2,7
Инвестиции в основной капитал			
ситуационная адаптация	-6,8 - -7,2	1,5 - 2,0	2,0 - 2,4
активная трансформация	-4,8 - -4,4	3,3 - 3,7	3,2 - 3,6
Потребление населения*			
ситуационная адаптация	-2,7 - -3,0	1,5 - 1,9	2,0 - 2,4
активная трансформация	-1,7 - -2,0	2,6 - 3,0	3,1 - 3,5
Уровень безработицы, %			
ситуационная адаптация	6,1 - 6,5	5,5 - 5,8	5,3 - 5,6
активная трансформация	5,4 - 5,8	4,9 - 5,2	4,7 - 5,0

* - сумма розничного товарооборота и платных услуг населению

Необходимо отметить, что реализация такого – целевого – сценария в нынешних условиях возможна только при условии совместного задействования нескольких «контуров» экономической политики:

1) Управленческий контур, обеспечивающий баланс между государственным управлением (с элементами планирования) с максимальной свободой малого и среднего бизнеса.

При этом планирование в новых условиях понимается как сочетание:

- управления консолидированным спросом «расширенного» государства (федерального центра, регионов, местных органов власти) и госкомпаний, как важного компонента суммарного спроса в российской экономике;
- реализация государственных инвестиционных и инновационных программ (включая программы по импортозамещению и по целевому импорту критически важного оборудования, сырья и материалов);
- управление техническими регламентами и стандартами, «принуждение к модернизации» через данные инструменты;
- публикацию государственных прогнозов для повышения долгосрочной определённости для всех субъектов экономики.

2) Социально-территориальный контур, обеспечение межрегионального и межотраслевого перетока занятых, снимающего нагрузку с трудоизбыточных отраслей без перегрева рынка труда.

В единую систему должны быть увязаны:

- политика переобучения занятых (мощностью порядка 1-1.5 млн. чел в год), обеспечивающая обучение молодежи и переобучение занятых в соответствии с новыми требованиями рынка труда;
- жилищная политика и политика в области инфраструктуры в новых «регионах развития», обеспечивающие территориальный аспект перераспределения занятых между секторами экономики;
- политика по поддержке малого и среднего бизнеса, создающего рабочие места, включая частичное дерегулирование.

3) Технологический контур, обеспечивающий технологический суверенитет, развитие критически важных технологий и технологическую модернизацию экономики.

Здесь необходимо обеспечить многосторонний баланс между реализацией четырех групп задач:

- созданием научных и технологических заделов (РАН и ГНЦ, частично – госкорпорации), развитие соответствующих современным требованиям сквозных технологий;
- созданием «прорывных» технологических продуктов («новыми» технологическими компаниями, включая компании Национальной технологической инициативы);
- технологическое импортозамещение (в рамках соответствующих госпрограмм);
- массовой технологической модернизацией средне- и высокотехнологичных компаний (что предполагает активные работы с их

спросом на технологические инновации¹⁰ – например, через проведение отраслевых технологических Форсайтов).

4) Инвестиционный контур управления, обеспечивающий взаимную увязку государственной (как федеральной, так и региональной) и частной инвестиционной политики.

Ключевым моментом здесь является участие бизнеса в формировании и финансировании государственных инвестиционных программ¹¹ в части развития инфраструктуры и технологического импортозамещения, обеспечивающее соответствующую синергию между решением государственных задач (инфраструктура, технологии, импортозамещение) и задач бизнеса.

5) Бюджетно-финансовый контур, обеспечивающий достаточные ресурсы для модернизации экономики в новых условиях и поддержки финансовой стабильности.

Важнейшей здесь является связка бюджет-финансовый план – валютный план (на базе баланса привлечения валюты и ее использования, в том числе перераспределения между секторами экономики и для закупки «целевого» критического импорта).

б) Внешнеэкономический контур

Здесь важнейшими элементами являются:

- вывод российской продукции на новые рынки (в том числе, с обеспечением в рамках двух- и, предпочтительно, многосторонних систем международных расчетов);
- обеспечение критически важного импорта;
- обеспечение, в том числе за счет многосторонних инвестиций, выноса за пределы страны (разумеется, в дружественные юрисдикции) отдельных

¹⁰ «Цена вопроса» - порядка 1.0-1.5% ВВП расходов на НИОКР, «импортируемых» российскими компаниями вместе с производственным оборудованием в последние годы (по данным ИНИ РАН); сейчас этот импорт во-многом «обрезан» недружественными странами – и России надо искать новые, уже внутренние источники инновационного обновления производственного аппарата

¹¹ Среднегодовые 5-7% ВВП оттока частного капитала (причем, нефинансовыми компаниями) из страны в зарубежные страны, для которого санкции западных стран поставили предел – важнейший ресурс экономической политики сейчас. Либо нам удастся использовать эти ресурсы для модернизации экономики, либо они опять станут уходить из страны – на этот раз в Казахстан, ОАЭ, Китай и Турцию.

компонентов производственных цепочек, особо уязвимых к санкционным ограничениям, с последующим импортом готовой продукции.

Ключевые противоречия и балансы экономической политики в новых условиях:

- между усилением государственного функционала в экономике (вплоть до элементов планирования) – и саморазвитием / дерегулированием бизнеса, максимальным использованием общественных инициатив (например, в формате Агентства стратегических инициатив);
- между высвобождением избыточных занятых – созданием новых рабочих мест за счет переобучения, территориальной мобильности и самозанятости;
- между стратегически неизбежным усилением значимости внешнеэкономической деятельности как источника валютных ресурсов для модернизации – и поддержкой развития внутренней экономики страны (отраслей и регионов), снимающей соответствующие социальные противоречия.

Материал подготовил:

руководитель направления Белоусов Д.Р.